

**ГОЛОВИН
ЕВГЕНИЙ**

БЕЗУМНИЕ И
ЕГО БОГ

Коллекция «Гарфанг»

Безумие и его Бог

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Безумие и его Бог / «ЭННЕАГОН ПРЕСС», — (Коллекция «Гарфанг»)

ISBN 978-5-91051-015-3

Сборник посвящен проблеме сакрального безумия. Вальтер Ф. Отто (1874–1958), выдающийся немецкий мифолог, квалифицированно проанализировал тему в книге «Дионис. Миф и культ». Классические рассказы от Э. Т. А. Гофмана до Г. Ф. Лавкрафта призваны проиллюстрировать бесконечность человеческой психики, где разум — только островок.

ISBN 978-5-91051-015-3

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

От редакции	5
Вальтер Ф. Отто	6
Мифы его эпифании	9
Исчезает и появляется	11
Грохот и тишина	13
Очарованный мир	14
Зловещее безумие	16
Безумный бог	20
Эрнст Теодор Амадей Гофман	22
Натанаэль – Лотару	22
Клара – Натанаэлю	27
Натанаэль – Лотару	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Безумие и его бог

От редакции

Дионис – загадочный и наименее изученный бог греческого пантеона, если слово «изучать» применимо к богам. Известен широкой публике как изобретатель и покровитель винограда, однако этим его деятельность вовсе не ограничивается. Дионис уничтожает монотонное время, монотонное пространство, размеренную ежедневность, Дионис – бог ослепительного момента, властитель необъятных горизонтов и удивительных метаморфоз.

Дионис не любит людей разумных, и они отвечают ему взаимностью.

Что такое разум с высоты дионисийского полета? Плотина бобров, церебральная паутина, искусственный островок иллюзорной стабильности. Но: рациональное большинство страшится безумия и опьянения, подлежащих изучению и лечению.

Ортега-и-Гассет в «Трех картинах о вине» сказал про наше время: «...административная эпоха, в которой мы, вместо того чтобы говорить о Дионисе, говорим об алкоголизме». Следует добавить: священное безумие, которое открывает качественно иные миры, мы называем «душевной болезнью», и вместо того чтобы идти в храм Диониса, идем к психиатру. В сборник включены фрагменты из знаменитой книги Вальтера Ф. Отто о Дионисе.

Walter F. OTTO

DIONYSOS

MYTHOS UND KULTUS

Frankfurt am Main

1933

Вальтер Ф. Отто Дионис. Миф и культ Перевод с немецкого Е. Головина

Кто это – Дионис?

Бог очарованности и кошмара, блужданий в чащобах и счастливого избавления, сумасшедший бог, чье присутствие ввергает в безумие. Его зачатие, его рождение таинственно и драматично.

Сын Зевса и смертной женщины Семелы. Еще прежде родов она сгорела в пламени молний своего небесного возлюбленного.

Поэты говорят, она пожелала видеть бога,
И молния сокрушила дом Семелы,
И, пораженная божеством, родила
В грозе и буре великого Вакха.

Гельдерлин

Отец ребенка не бросил, укрыл густым плющом, дабы сберечь от губительного жара, заменил ему мать: принял в свое божественное тело еще нежизнеспособное существо – по истечении положенных лун сын появился на свет.

Так, «дважды рожденный» возвысился над человеческим и стал богом – богом радостного опьянения. И все же были ему – дарителю радости – определены страдания и смерть, и на материнский дом, небесами пораженный, низошли преследования и гибель. Однако мать Семела, что претерпела в соединении с грозовым богом огненную смерть, восстала из праха в круг олимпийского Теона.

Семела – одна из четырех дочерей фиванского короля Кадма. «Пелей и Кадм, – сказано у Пиндара, – были счастливейшими из людей: на их свадьбах пели музы, боги вкушали от их яств. Царственные сыны Кроноса видели их на золотых скамьях, принимали от них дары... Но настало время тяжелых испытаний для трех дочерей Кадма: к четвертой же, прекрасной Тионе, пришел отец Зевс на ложе любви». И в другом месте: «Великие несчастья достались на долю дочерей Кадма, однако суровые печали рассеялись в избытке добра: сраженная молнией Семела живет среди олимпийцев, любит ее Паллада, любит отец Зевс ее и украшенного плющом сына. В море, как говорят, среди дочерей Нерея, ведет Ино безмятежную жизнь».

Из четырех дочерей Кадма мифологически значительны только Ино и Семела. Другие – Агава и Антоноя – известны как матери Пентея и Актеона, которых растерзали хищные звери, – мотив, интонационно сходный с дионисийским мифом.

Кстати говоря, число четыре существенно в древних мифах. У Пиндара в связи с дочерью Кадма Семелой часто упоминаются три ее сестры, у Теокрита в «Ленах» Ино, Агава, Антоноя ведут фиазу¹ в горы на священный дионисийский огонь и воздвигают там двенадцать алтарей: три для Семелы и девять для Диониса. Ино, Агава, Антоноя предводительствуют каждая тремя фиазами в драме Эврипида «Вакханки». В известном документе из Магнезии на Меандре упоминается, что по совету дельфийского оракула три менады из рода Ино пришли в Фивы ради основания дионисийского культа и каждая привела трех фиаз. Культ Диониса и Семелы соотносится с мифом о небесной невесте и ее трех сестрах. На сакральной надписи из музея Кельна рядом с именем Семелы – имена ее «божественных сестер».

¹ Лены, фиазы – женщины, приверженные дионисийской религии. (Здесь и далее – примеч. перев.)

Культ Семелы удостоверен многочисленными свидетельствами, равно как почести, воздаваемые Ино – приемной матери бога. Пепелище на месте дома Семелы, дым которого Дионис, согласно Эврипиду, видел по возвращении в город Фивы, показывали удивленным чужеземцам в поздние столетия близ святилища Диониса Кадмеоса – так значится в надписи третьего до-христианского столетия, сохраненной в Дельфах. Не забывали Семелу на празднествах в честь эпифании Диониса, не забывали и ее спасение из царства мертвых божественным сыном. На аттических ленайях² призывали именно «сына Семелы». На острове Миконос жертвенный огонь, посвященный Семеле, пылал в одиннадцатый месяц, посвященный Дионису – в двенадцатый. Орфические гимны не оставляют на этот счет сомнений.

Одним из самых важных почитался праздник в честь освобождения Семелы от смерти и подземного мира – его устраивали, согласно Плутарху, в Дельфах и других местах каждые восемь лет. В Лерне считали, что именно здесь Дионис бросился в бездонную пучину Алкионического моря на поиски Семелы в царстве мертвых, а в Трозене даже показывали место возвращения Диониса и Семелы.

Ее культ всегда сопрячен культу ее великого сына. «Лены» Теокрита, где представлены три дочери Кадма и ужасная судьба слишком любопытного Пентея, заключаются восславлением не только Диониса, но и Семелы и трех ее сестер. В честь Диониса и Семелы в Магнезии воздвигли мраморный алтарь.

Человеческая мать божественного сына коронована бессмертием и разделяет культовое поклонение – таков один из выводов мифа о рождении сына молниеносного огня из лона земной женщины.

Современное исследование не признает этого удивительного вывода. Семела должна быть богиней изначально – дочерью Кадма ее объявил некий поэт седьмого дохристианского века из каких-либо актуальных соображений, не подозревая, что впоследствии человеческая натура матери Диониса обретет столь серьезный акцент.

Пауль Кречмер в одной примечательной работе обратил внимание на следующее: имя Семела скорее фракийско-фригийского происхождения и обозначает богиню земли (Семело): имя это на фригийском могильном склепе соседствует с именем бога неба (дуус или деос). Хотя вывод Кречмера касательно фригийского источника имени Дионис (сын Зевса) не оказался убедительным из-за отсутствия подтверждений, толкование Семелы заслужило одобрение Нильсона («Критомикенская религия») и Вильямовича («Вера эллинов») при доказательстве фракийского или, скорее, фригийского происхождения культа Диониса. Кречмеру было бы проще апеллировать к Аполлодору, который уравнивал Семелу и Гею, или к Диодору – последний, как известно, считал, что Тиона-Семела суть земные богини. Таким-то образом, согласно современной теории, мать Диониса предстала «фракийско-фригийской богиней земли» – позднее она по прихоти поэта превратилась в смертную женщину и дочь Кадма.

Что можно сказать? По фригийским источникам, упомянутая богиня еще за двести или триста лет до нашей эры почиталась высоко. Вероятно, тысячу годами ранее она почиталась не менее высоко. Как же в таком случае великая фригийская богиня земли в Беотии, отделенной от Фригии коротким морским переходом, обратилась по чьей-то прихоти в дочь Кадма? И при этом ни в мифах, ни в культе нет ни малейшего упоминания о ее теистическом величии. Иные аналогии равным образом нуждаются в аргументации.

И не только это. Традиционно сохраненному мифу сказание о дочери Кадма придает необычайную силу. Семела, обыкновенная смертная, но не богиня, что резко акцентируется, родила бога. В «Илиаде» ее родиной названы Фивы, а Гесиод не только упоминает о «дочери Кадма», но подчеркивает: она, смертная женщина, родила бессмертного сына. Образ «сына величайшего отца и дочери Кадма» (Пиндар), смертность матери – средоточия дионисийской

² Празднества в честь Диониса.

традиции. Имя Семела, первоначально божественное, впоследствии стало сугубо человеческим – доказательством тому второе имя матери Диониса – Тиона. В качестве возлюбленной Зевса Семела названа у Пиндара Тионой. После того как сын освободил ее из царства мертвых, она возвеличилась бессмертием на Олимпе. «Семела, названная затем Тионой», – гласит Гомеров гимн. Это имя встречается среди вакханок, сам Дионис иногда именуется Тионидом. Мыслимо ли, чтобы имя, акцентированное как человеческое, относилось к богине? В Фивах почиталась умершая Семела – таков характер ее изображений в посвященном Дионису пространстве фиванского акрополя. В сорок четвертом орфическом гимне упоминается, что такими почестями она обязана Персефоне.

Современная гипотеза, пренебрегая четкостью мифа, утверждает: поразительным своим поворотом этот миф обязан своевольной корректуре. Такое предположение аннигилирует сущность рассказа о появлении Диониса. Если мать не была смертной, каков смысл второго рождения? Когда Семела погибла, вырвал Зевс шестимесячного ребенка из пламени и зашил в бедро, дабы тот созрел в небесном теле и стал богом. Предполагают симбиоз двух разных воззрений. Согласно одному, Дионис – плод соединения Семелы с небесным отцом, согласно другому, Дионис обязан своим рождением единственно отцу, подобно Афине. Это вносит новую путаницу. Если теофания Афины избавлена от всякого женского участия, что сообразно богине мудрости и несокрушимой силы, то как объяснить сугубо мужское рождение женственного, всегда окруженного женщинами Диониса?

Семела, смертная, зачала сына от небесного бога, земную возлюбленную испепелила страсть сверкающих молний. В смертоносном пламени грозы преждевременно родила мальчика, будущего бога. Но разве подобная задача мыслима для земной женщины? Потому-то отец забрал сына и довершил роды.

Представление о богине земли, растерзанной небесными пламенами, невероятно.

Почему вообще необходимо объяснять величие сына одинаковой кондицией родителей? Не лучше ли продумать глубину и значительность мифа, прежде чем приписывать некоему поэту прихотливое столкновение неравенств? Ино, приемная мать бога, превратилась из обычной женщины в богиню и получила имя Левкотейя. Как в «Теогонии» Гесиода акцентируется человеческое происхождение Семелы, так в «Одиссее» сказано: «Ино, дочь Кадма, была смертной женщиной и стала божеством вод морских, зовут ее Левкотейя». Связь Ино с Дионисом, подтвержденная культом, несомненна: богиня воды сущностно близка Дионису, судя по многочисленным изображениям и сказаниям. Мы встречаем среди nereid и двух других сестер – Агаву и Антонойю.

Ино и Семела – поначалу земные женщины, потом богини с другими именами.

Дионис – миф о его рождении, несмотря на растворение в исторических случайностях, вполне четко отражает характер божества.

Явление Афины соответствует стилю и образу этой богини. Однако же таинственный, амбивалентный бог противоречий, на наш взгляд, должен иметь родовое отношение к людям.

Мифы его эпифании

Необычен миф о рождении бога, странностью и беспокойством отличаются сказания о его появлении среди людей. Его рождение не похоже на рождение других богов, встречается он с людьми особенным образом – стремительно, удивительно, ослепительно, что естественно вызывает суматоху и страх. Еще в младенчестве поднялись против него враждебные божества, зловещие турбуленции разорвали его окружение. После смерти матери – страдания, мучительная гибель всех, у кого этот мальчик пребывал: Ино, сестра матери, обезумев, бросилась в море со своим собственным ребенком на руках. Его появления и откровения встречали у людей глухое либо яростное сопротивление. Дочери Миниаса побоялись следовать его зову по вполне разумным основаниям: он разрывал брачные узы, установленные нормы и приобщал увлеченных к тайнам ночного леса; дочери Миниаса вели безупречную жизнь и хранили верность своим мужьям, пока Дионис не погнал их ядовитым жалом своего безумия. Царь Пенфей гневно запретил женщинам участие в плясках сумасшедшего бога, Персей в Аргосе бросился на Диониса с вооруженными людьми.

В тех или иных образах основа мифа неизменна.

Смысл этих сказаний в новое время практически не понимают, считая их рассеянными воспоминаниями об исторических событиях. Полагают, культ Диониса попал в Грецию из чужих краев и с трудом завоевал признание. Эрвин Роде³ рассуждает весьма осторожно: «Данные мифы отражают те или иные сакральные аспекты и объясняют процессы исторически правдоподобные». И далее: «в этих мифах, безусловно, есть зерно исторической истины», ибо, судя по ожесточенности населения, дионисийский культ не пустой вымысел.

В самом деле, далеко не «пустой вымысел». Напротив, миф значительней и реальней действительных исторических эпизодов. Нелепо соотносить сакральный культ с той или иной исторической достоверностью, это вневременная константа. Саллюстий сказал по поводу мифа об Аттисе: «Миф не вспоминается и не забывается, миф существует всегда».

В данном случае культ отражает непомерность, бешенство, трагику, присущие дионизизму. Не воспоминания о запутанных отношениях с чужеземным богом, но интерпретация тайной сущности и эпифании Диониса. Эта сущность категорично и непреодолимо захватывает душу и тело, несмотря на яростное сопротивление. Долго и настойчиво противились сивиллы, пока их не покорила воля божества. Этим не сказано, что эпифания Диониса всегда вызывает возмущение и бунт. И все же: явление бога сопровождается такими дикими эксцессами и призывами к необычному, невероятному, таким насмешливым презрением к человеческим порядкам и принципам, что протестации совершенно закономерны. Мифические образы иллюстрируют историю беспощадной борьбы. Бескомпромиссный характер жестокого бога и его фанатического женского окружения отчеканился в страшной судьбе слишком уверенных, слишком любопытных, которые себе на горе осмелились подглядеть или даже нарушить тайные обрядовые действия. Рассказывают о кошмарной участи Пенфея («Вакханки» Эврипида); в «Ленах» Теокрита он представлен подглядывающим мальчиком, которого затем разрывают на куски.

Таковы эпизоды мифологической истории, куда важнее ситуация бога и его окружения. Менады в напряженности безумия травят и уничтожают беззащитные жертвы, но и менад преследуют и уничтожают, равно как и бога. По преданию, Ликург гнал и беспощадно убивал «нянек» Диониса и заставил самого Диониса броситься в море под защиту богини Тетис (Фетида). И не в Греции, но во Фракии, на родине дионисийского культа, по мнению многих исследователей. Об этом ничего особенного не сказано, зато подробно излагается исчезнове-

³ Друг Ницше; его книга «Психе» серьезно повлияла на исследование античности.

ние в морской пучине, откуда он так или иначе должен возвратиться, что соответствует его сущности и судьбе его сподвижниц. Почти аналогичен рассказ о Персее: герой встретил Диониса и его спутниц с оружием в руках и ввергнул в бездонное море близ Лерны. Преследование и даже уничтожение дионисийских женщин – культовый обряд агрионий⁴, где, сверх того, обряд включает возвешение об исчезновении Диониса. Сакральная торжественность культа акцентирует сверхчеловеческие действия, о коих повествует миф.

И миф и культ представляют страсти и закат Диониса. Однако в этой мрачности расцветает торжество молодого победителя. Дионис явился в мир покорителем, львиной силой одолевает титанов, тирсы его менад обращают вооруженные мужские толпы в безоглядное бегство. Он вступает завоевателем в далекие страны – божественный прообраз всех триумфаторов. Бурная эпифания Диониса-победителя часто интерпретируется как борьба нового и старого, как религиозная междоусобица. Но уже Велькер, автор нескольких книг по античной Греции, справедливо заметил: «Нет никаких свидетельств и никакой исторической вероятности, что в тех или иных городах дионисийская религия пробуждала контрдействия властей либо возмущение тех или иных сословий».

Мифы рождения, мифы эпифании более или менее ясно раскрывают сущность Диониса. При его зачатии озарилась земля блеском божественного неба. Но в соединении небесного и земного, выраженном мифом о двойном рождении, тягости человеческой жизни не устранились, но проявились в резком противоречии со сверхчеловеческой светозарной ширью. Рожденный таким образом – не только донатор ликования и радости: это страдающий и умирающий бог трагического конфликта. Энергия подобной двойной сущности велика: бог врывается ураганом, укрощая непокорных бичом своего безумия, взрывая привычное и стабильное. Бытие пенится опьянением, опьянением блаженства и кошмара.

⁴ Разновидность культа Диониса.

Исчезает и появляется

О неожиданности его манифестаций история культа дает много свидетельств. Дионис – бог внезапных эпифаний, никакой другой бог не появляется столь ошеломительно.

Стремительно уходит и приходит.

Другие боги – Аполлон, например, – покидают привычную сферу и периодически возвращаются. Но только Дионис мгновенно и непостижимо вырывается из своего окружения и пропадает в неизвестном. На празднике агрионий в Херонее женщины его долго искали и вернулись, сообщив, что бог ускользнул и скрывается среди муз. По верованиям аргивян, он погрузился в Лернейское море, что заодно означает исчезновение в царстве мертвых – посему ради его возвращения приносят жертву «стражу порога». Рассказывают, Персей в это же море загнал Диониса. Пятьдесят третий орфический гимн гласит: после погружения Дионис провел два года во дворце Персефоны.

Бога ждут страстно, бог, безумный, опьяненный, хохочущий, или вернется неверной поступью, или диким быком вырвется из тьмы.

Хор женщин ожидает его: эти женщины – земные подобия небесных эманаций, сопровождающих его... там. Начинается эвокация: «Дионис, приходи в элейский храм, приходи в сопровождении харит, ударь бычьим копытом в стену, величавый бык, величавый бык!» Они знают: ожидаемый будет демонически неистовым зверем. В Афинах эвоцируют Диониса в ленаиды: лены – одержимые служительницы бога, сходные с вакханками, менадами и т. д. Дадуки⁵ провозглашают: «Призывайте бога!», лены хором вопиют в ночь: «Приди, сын Семелы, Иакхос, донатор богатства!» Приблизительно так же обращались к Дионису на антестериях⁶ четырнадцать афинских женщин-герараий на тайном молении, где принимала участие супруга архонта Базилеоса. В Аргосе пели трубы, увитые плющом, когда вызывали Диониса из Лернейского моря, и «стражу порога» бросали в бездонную глубь жертвенную овцу (Плутарх).

Любопытен обряд эвокации дельфийских и аттических фиад⁷ зимой на вершинах Парнаса. Они именуют бога Ликнитом, «ребенком в колыбели» (Плутарх), они зывают к новорожденному. Легенда гласит: там, на Парнасе, Дионис в священном безумии танцует с нимфами. «Тебя, – возглашает хор в «Антигоне» Софокла, – тебя видели в мимолетных блесках факелов на двуглавой скале с корикийскими нимфами». Об этих нимфах говорит жрица в прологе «Эвменид» Эсхила: «Я почитаю нимф корикийской пещеры, посвященной Дионису». Согласно двадцать шестому Гомерову гимну, на горах Ниса и Парнаса нимфы дают грудь новорожденному Дионису и сладостно его убаюкивают. Корикийские нимфы, одержимые и восторженные, блуждают с ним по лесам, украшенные лавром и плющом. Кормилицы обращаются в танцующих вакханок – Гомер называет их «няньками»: они «матери» и в то же время экстатические лены или фиады. Потом Дионис исчезает и долгое межвременье покоится во дворце Персефоны, а когда пробуждается, нимфы содрогаются от напряженной истомы в предчувствии упоительной пляски. Орфический гимн так выражает подобное состояние: «Напев экзальтирует круг ожидающих, ликующие крики возвещают страстный, бешеный танец».

Еще от эпохи императорского Рима остались воспоминания о дионисийской музыке. На одной из надписей острова Родос можно прочесть о музыканте, пробуждающем бога модуляциями водяного органа. Праздник пробуждения особенно распространен в поздние времена культа, судя по орфическим гимнам. Инкантация хора в «Антигоне» начинается так: «О ты,

⁵ Жрецы Диониса.

⁶ Празднества в честь Диониса.

⁷ Разновидность экстатических поклонниц Диониса.

властитель огненных созвездий и ночных песнопений, сын Зевса, явись со своими фиадами, что испуленно танцуют всю ночь для тебя, о Иакхос!»

Пробудись, появись... Когда и откуда? Или на чудесном корабле на гребнях волн, или из глубин морских, или младенцем, широко раскрывающим божественные глаза... Предчувствуя его, женщины откидывают головы, рассыпают волосы по плечам, и, так сказать, «готовятся» к безумию эпифании безумного бога.

Крайне любопытна уникальная непосредственность его присутствия. Другие боги, сколь бы живо ни чувствовалось их явление – Каллимахов гимн Аполлону прекрасный тому пример, – на своих празднествах всегда присутствуют незримо. Дионис приходит телесно, «в пластическом изображении». В Сикионе целый год нельзя увидеть изображений Диониса Бакхеоса и Лизиоса. Только в сакральную ночь из так называемого «косметериона» его изображения при факельном пламени и пении гимнов приносят в храм. Из документов известно: в ионийские катагогии – праздники возвращения Диониса – процессия жрецов и жриц сопровождает его изображение. Этому шествию подражал Антоний – он въехал в Александрию на колеснице с тирсом в руке (Плутарх). В Афинах изображение Диониса везли на корабле на колесах – вероятно, в дни антестерий. Эти дни – серьезное доказательство могущества эпифании Диониса. Упоминается его свадьба с женой архонта Базилеоса. Аристотель недвусмысленно говорит о брачном соединении. Тем не менее это настолько странно, что мы вряд ли узнаем суть дела. Трудно представить Диониса в роли божественного супруга. Но в его стиле и характере – переступить порог земного дома и забрать чужую жену. Согласно Аристотелю, бракосочетание состоялось в так называемом Буколионе – дворце архонта. Аристотель знает, что говорит. Итак, в доме высокопоставленного чиновника, практически царя, бог завладевает его женой. Это нечто иное, нежели обычное для подобных культов празднование иерогамии бога и богини. Несмотря на мнение Вильямовича⁸, подобная трактовка совершенно не согласуется с текстами Геродота о храме Бела в Вавилоне, Зевса в египетских Фивах, оракуле Аполлона в ликийской Патаре. К вавилонским и египетским богам, что покоятся в своих храмах, приводят женщин, однако подобные женщины не должны иметь никакой связи с мужчинами. Когда в Патаре дается оракул, то есть когда Аполлон пребывает в своем святилище, сивилла проводит ночь в храме: пророчица «соединяется» с богом ради вдохновения высшим знанием. Однако афинская базилисса принадлежит Дионису не в таком смысле. Она не ритуальная «подруга» бога, о чем упоминает Геродот, ссылаясь на свидетельства халдеев, она супруга высокого должностного лица, и Дионис забирает ее из дома мужа в откровенно чувственных целях. Вряд ли, полагают одни, чтобы вся община пользовалась покровительством нового, божественного супруга, и вряд ли, полагают другие, для повышения плодородия почвы. Дионис «устраняет» властителя и, бог женщин, берет его жену бескомпромиссно. Отсюда триумфальная процессия, корабль на колесах, пышное бракосочетание.

Чувственная непосредственность явления, соитие с женщиной, занимающей высокое положение, уникально в истории культов. Эпифания Диониса раскрывается в пьяной, дикой неистовости обладания.

⁸ Вильямович-Моллендорф (1845—1910) – знаменитый исследователь античности, резкий противник Ницше. Вальтер Ф. Отто часто ссылается на его книгу «Вера эллинов».

Грохот и тишина

*О, мертвомолчаливый грохот.
Нищие. «Дифирамбы Дионису»*

Дикий дух невероятного, хохот над любым порядком и правилом – таковы знаки приближения бога. Гонги, крики, шум и противоположность – мертвое молчание.

Грохот приближения Диониса, будоражащий человеческий рой, – подлинный символ ошеломительной атаки на разум. Ужас, околдование, непрерывное возбуждение, потом безучастность, сумрак чувственных ощущений и странное подозрение: адская суматоха – диссонанс глубокой тишины.

Другие божества, культово и мифически связанные с Дионисом, также любят шумную экскламацию – прежде всего, Артемиду, названная у Гомера «Звонкая», затем великая мать Деметра. Однако подобное нельзя сравнить с буйным оглушительным гвалтом дионисий.

В этом смысле характерны многие эпитеты Диониса, в частности Бромийос (гулкий, громкий). «Гулом полнится лес», – сказано в Гомеровом гимне о явлении Диониса. Именуют его также Эвийос, по сакральному призыву «эвоэ», и спутниц Диониса зовут, соответственно, эвиадами. Их часто сопровождают музыканты, что видно по изображениям дионисийских процессий, музыканты непрерывно гудят, трубят, бряцают, бьют в гонги. «Концерты» возбуждают и страшат. Дочери Миниясы, которые отреклись от Диониса ради добросовестного исполнения домашних обязанностей, были до смерти напуганы литаврами, флейтами, кимвалами; к тому же их ткацкие станки вдруг расцвели пышным плющом (Овидий. «Метаморфозы»). Схваченный разбойниками Тирренского моря, Дионис обратил мачту и рулевое весло в змей; над палубой запели флейты, корабль зацвел яркой листвой. Его собственная трирема, по описанию Филострата, гудела от криков вакханок, от ударов подвешенных к бортам медных гонгов. Воинственные толпы Диониса ошеломили индийцев кимвалами, литаврами, трубами (Нонний. «Дионис»).

Но гул, звон, грохот, что возвещали приближение бога, казались особенно жуткими на фоне своей оппозиции – мертвой тишины. Оглушительный шум – ледяное молчание: только разные формы безымянного, ускользающего от разумного восприятия. Менады, чьи пронзительные голоса мы словно бы слышим, поражают нас – тусклые взгляды отражают нечто губительное, злое. Такими они представляются на амфорах и вазах, особенно на знаменитой «мюнхенской чаше»: волосы разметаны, головы обвивают змеи. Фигуры, вытянутые в немой отрешенности, подобны статуям. Такими их видит Гораций: «...по ночам, недвижные, с горной вершины они отрешенно глядят на речной поток, на сверкающую снегом страну». Недвижно созерцающие вакханки – хорошо известный образ. Катулл коснулся его в рассказе о покинутой Ариадне: она затаилась в береговых тростниках, подобная менаде, мрачный, отрешенный взор устал высматривать неверного возлюбленного. Безнадежное, сосредоточенное молчание свойственно женщинам, схваченным пространством Диониса.

В «Эдонах» Эсхил описал фракийскую оргию, заметив: флейта лишает рассудка. Но не только флейты акцентируют присутствие безумного бога. В звонах, криках, свистах, сонорном хаосе пульсирует божественный делириум, но вместе с тем там сокрыт холодный мрак молчания. Бешеный вихрь застывает, каменеет.

Очарованный мир

Откуда это сумасшедшее возбуждение, затем глубокая подавленность? Что возвещает изгоняющий мысли шум?

Привычная обстановка, стабильная позиция, спокойное времяпровождение – все пропадает, унесенное порывом дионисийского приближения. Все меняется. Это не библейская сказка, не парадиз детского простодушия. Глубины бытия обнажают древнее, первобытное, проступают загадочные образы творящего и угрожающего, которые сметаю ежедневность. Это не обман и не сновидение. В бесконечном наслаждении, в бесконечном кошмаре мерцает истина страшнее всякого безумия.

Истина проявляется бурным потоком жизни из материнской бездны. В присутствии Диониса цветущую землю, словно зрелый плод, разрывают неистовые пьянящие соки. Скалы распадаются, из трещин текут ручьи. Сокрытое раскрывается, отчуждение и вражда пропадают, вековые правила и принципы теряют свои права, даже меры времени и пространства не действительны более.

В сфере мифа – неуверенность и разброд. Когда родился Дионис, боги затанцевали – так сказано в гимне Филодамаса из Скарфеи (IV в. до н. э.). Даже будучи беременной, Семела опьянялась радостью танца всякий раз, когда слышала флейту, и ребенок в ее лоне танцевал вместе с ней.

«Текла молоком земля, текла медом и вином, и воздух был сладостен, словно от сирийских благовоний» – вакханки Эврипида выражают то удивительное состояние, когда, богом очарованные, черпают из камней молоко и мед. Они ударяют тирсом в скалу – и брызжет сверкающий родник, опускают тирс к земле – и вздымается волна вина, если надобно молока, погружают пальцы в землю, и руки светятся белой молочной пеной. Листья плюща сочатся медом. Вакханки завязывают змей вокруг талии и баюкают волчат, словно детей у материнской груди. Огонь не кусает вакханок, мечи и дротики не причиняют вреда, змеи пьют капли пота с разгоряченных щек. Вакханки ласкают хищников, легко и мимолетно высвобождают кряжистые деревья из плена земного. На корабле морских разбойников, что захватили Диониса, ручьями потекло вино, зрелые гроздья оплели паруса, буйный плющ полонил мачты, венки ярких цветов сдавили весла. У дочерей Миниоса ткацкие станки затянуло плющом и виноградом, сквозь доски стен и потолка прорвался ток вина и молока.

Перед чудесной агрессией расступается твердое и неуступчивое, отдавая сладостные жизненные соки; рассыпаются горные породы, более того, разрушается вечно незыблемая стена, скрывающая от человеческого духа далекое и будущее. Диониса многозначительно именуют «Избавителем». Заточенные в темницу по приказу царя, менады освобождаются легко и просто: оковы падают, двери раскрываются сами собой («Вакханки» Эврипида). Неразумные мучители тщательно заковали Диониса, отступили несколько шагов, дабы полюбоваться работой, и увидели... смех свободного Диониса.

Уничтожение закрытого, замкнутого, секретного – это открытие неведомого, познание будущего. Дионис – пророк, вакхическое безумие раскрывает глубинный смысл бытия. Согласно Плутарху, древние сугубо ценили мантику дионисий. Беременная Семела была одержима пророческим божественным духом, равно как и женщины, что касались ее избранного тела.

Вторжение очарованного мира в пышные культовые празднества, удивительные эффекты эпифании Диониса: ток винных ручьев, однодневный расцвет и созревание винограда. На острове Теос, где, по очередному преданию, родился Дионис, в дни его праздника вздымался из земли винный фонтан. На Элисе передавали такую легенду: торжество обычно свершалось в окрестностях города: там, в заброшенном доме, однажды оставили три пустые амфоры: дверь

хорошенько заперли, запечатали – и что же?! Следующим утром амфоры пенились молодым вином. Павзанию эту историю поведали местные жители, ручаясь за достоверность. Похожее случилось на острове Андрос – здесь даже известна точная дата – пятое января, сообщает Плиний. Семь дней длился праздник, семь дней текло вино из храма Диониса. Затем превратилось в обычную воду.

На острове Наксос, напротив, родниковая вода обратилась в вино, пишет Проперций в гимне Дионису и добавляет: подобное впервые произошло на свадьбе Диониса и Ариадны.

Весьма часто упоминаются так называемые «лозы-однодневки»: имеется в виду цветение и созревание винограда в один день. Самая знаменитая мистерия – зимой на Парнасе, где менады ведут головокружительные пляски в честь Диониса и укачивают бога-дитя в колыбели: там за день наливаются соком тяжелые пурпурные грозди. В Эбойе сакральный виноград зеленеет ранним утром, днем обретает темно-алый колорит, вечером гроздья срезают и свершают таинство виноделия. Согласно «Схолиям к Илиаде», на ежегодном посвящении Дионису в ахейской Эгее во время культовых танцев созревала сакральный виноград – к вечеру пенилось молодое вино.

Чудо, которое восхищало Софокла и Эврипида, мы не собираемся опровергать обычной ссылкой на фокусы жрецов. Для верующих это подлинный знак божественного присутствия. Не так ли точно в Элевзине созерцанию мистов предлагался спелый колос? Такой колос в мистериях Деметры аналогичен сакральному винограду в мистериях Диониса. Любопытно заметить: в «пляске солнца» индейцев навахо важное культовое событие – экспозиция плодового дерева, что расцветает и плодоносит в одну ночь, от заката до рассвета.

Кстати сказать, вино само по себе – чудо, особенно в дни антестерий, когда статуя бога на триумфальной колеснице въезжает в город. Настроение участников праздника понятно по экспрессивным рисункам на вазах и амфорах. Жрец в «маске Диониса» смешивает вино с водой, или гидромелией, ему помогают женщины, быть может, супруга архонта Базилеоса и ее герараи (четырнадцать спутниц). Поют флейты и трубы, начинается знаменитое «винное состязание» в честь Диониса. В конце состязания каждый участник возлагает свой венок на чашу, передает венок герарае, выливает на землю остаток вина.

Художественные сюжеты амфор хорошо передают ритуал смешивания и первых проб вина перед «маской Диониса». В позах женских фигур чувствуется пробуждение дикой менадической исступленности. Точно ли все это соответствует мистерии – сказать невозможно. Формы дионисийского безумия расцветали в гористых лесах и вряд ли наблюдались в храмах. Художники, несомненно, вплетали в сюжеты мифические линии, что вполне допустимо: земные женщины Диониса подражали его божественным подругам. Изображения на амфорах четко отражают напряженное ожидание бога. Он – донатор опьяняющих фильтров, несомненно, тот, кто своим раскаленным безумием увлекал женщин в горные лесные безлюдья.

Вино дышит безграничностью, безмерностью первобытной вселенной. Когда танцовщицы в присутствии Диониса, очарованные, играют с космическими элементами, когда не только молоко и мед, но и вино бьет из земли, – это знаменательно вдвойне.

Их материнская сущность, увлеченная, упоенная божеством, не знает границ – потому-то они дают грудь детенышам чашобы. Матери и кормилицы, они действуют аналогично мифическим «нянькам» Диониса, на попечение которых Зевс или его посланец Гермес (на многочисленных изображениях) передают божественного ребенка. У Эврипида («Вакханки») менады похищают младенцев и кормят грудью. И нет предела «вакханалии» материнства. В поэме Нонния менады живут в логох и пещерах с дикими зверями, давая грудь оленятам, волчатам, порой даже львятам – подобным сценам посвящено несколько барельефов.

Зловещее безумие

На величие бога, расточающего все богатства мира, неожиданно наползает непроглядная тьма. За ослепительной истиной волшебства поднимается в неведомой своей жестокости иная истина, приближается, стягивает и сжимает танцовщиц.

Миф, прежде всего, поражает энергией настойчивых преследований. Первое представление о дионисийских женщинах в греческой поэзии – стремительное бегство от Ликурга. В ужасе бросают они сакральные тирсы и сосуды и помышляют лишь о бегстве. Их отчаянье и страх вполне обоснованы: сам Дионис бежит неудержимо и бросается в морскую глубину. Содержание мифа культово интерпретируется на празднестве агрионий: жрец яростно преследует женщин и каждую настигнутую ударяет мечом (Плутарх).

Так входит смерть в пространство «расточителя восторгов» и «донатора богатств». Антестерии – весенние дионисии, агрионии – траурные торжества. Дионис – страдающий и умирающий бог – в славе своего молодого величия должен погибнуть от агрессии могущественных врагов. И в Дельфах была его могила. И его спутницы, зачарованные вечной весной, погибают насильственной смертью. В Аргосе похоронены преследуемые и убитые Персеем. Мы упоминали о трех фиванских менадах – они создали дионисийский культ в Магнезии на Меандре и там же похоронены. Ариадна – символ женственности, озаренной любовью Диониса, одновременно символ страданий и смерти всех его спутниц. Насилия, убийства, могилы. Знаменательно: в день празднества Ариадны на Локрисе волны принесли на берег труп Гесиода. На празднестве Диониса в Аркадии женщин полосовали бичами. Вряд ли, как полагают многие историки, это следует объяснять ритуалами плодородия. Аналогичен у Павзания обряд жестокого бичевания спартанских мальчиков на празднествах Артемиды Ортии, богини, функционально близкой Дионису.

Миф знает о трагизме судьбы, культ его выражает. Это не случайная и не злая судьба. Из дикого, напряженного безумия вырастает безжалостная необходимость. Дионис не только фасцинирует, но и ужасает, и сам становится жертвой ужаса. Зловещая, творящая безумие истина проступает не только в его агрессии, но и в его страданиях. В знаменитом мифе о его гибели он – Загреос, «великий охотник», который сам превращается в затравленного зверя. Его – кровожадного, раздирающего, самого разрывают на куски. За преследованиями, страданиями, смертью его спутниц встает тень их собственных чудовищных злодеяний. Рассказ о беспощадном нападении на женщин в праздник агрионий сразу напоминает неутолимую жажду крови дочерей Миниаса.

Они игнорировали зов Диониса, прилежно занимались домашней работой и поджидали возвращения супругов. И тогда обрушился на них дивный, божественный кошмар, и бросили они жребий касательно своих маленьких сыновей. Жребий указал на сына Левкиппы, и три дочери Миниаса жадно его пожрали. Неукротимая жестокость женщин, до той поры добродетельных и верных материнскому долгу, послана за пренебрежение к божественному призыву. Но подобного объяснения, как верно заметил Велькер, недостаточно. Взрывы безумия свойственны дионисизму, равно как фасцинация любви и восторженности. Кровожадность возбуждается и там, где речи нет об оскорблении божества, что понятно из жертвенных культов Диониса. Бог наполняет молоком груди менад, и менады кормят детенышей диких зверей, но вполне способны разорвать их ногтями и зубами.

Дионису не воздали почестей в Аргосе. Результат: женщины впали в делириум и пожрали собственных детей. В данном случае тоже логично предположить божественное возмездие. Бог, наказуя столь кошмарно, обнажает ужас своего бытия, ведь это перехлестывает границы самой скрупулезной справедливости. Жестокость, бешенство, ярость порой обращаются против него самого. По Ноннию, Аура, возлюбленная Диониса, убила и съела собственного

ребенка. Кормилицы ничем не лучше матерей. О дочерях Ламоса, первых кормилицах новорожденного Диониса, рассказывают: они, обезумев, хотели разорвать ребенка – его успел спасти Гермес и передать Ино. И сама Ино, сестра матери Диониса, кормила божественное дитя и, потрясенная безумием, убила собственного грудного младенца. Диониса почитали на острове Тенедос и прозвали «убийцей детей», ибо таковых приносили ему в жертву (Аполлодор).

Жестокость вопиет из культа и мифа. Очевидно: беспредельное, где кипит хмель жизни, угрожает опьянением, распадом, уничтожением. И вероятно, радости и восторги Диониса-Избавителя лишь смягчают остроту безумия. Ужасающая сторона его сущности четко проявляется в многочисленных формах культового служения. На острове Хиос вакхически безумные женщины растерзали случайного прохожего. То же самое – на острове Тенедос. Здесь жертвенный культ Диониса-Человекоубийцы (Дионис-Андропоррастос) отличался своеобразием: на новорожденного теленка надевали котурны и убивали ударом топора, после чего жреца, державшего топор, забрасывали камнями и гнали до морского берега. Жертвенный зверь, судя по котурнам, идентифицирован с Дионисом, растерзанным титанами. Сейчас сие объясняют сакраментальной жертвой, сообщающей участникам ритуального мясоедения божественную силу. Однако в традиции, связанной с Дионисом и его культами, нигде не упоминается о физическом усвоении его плоти ради обретения качеств божества. Вместо некритичного принятия сомнительной гипотезы лучше спросить культ. И культ ответит нам: здесь уничтожают «человекоубийцу» Диониса. Культовый акт соответствует мифу о Загреосе, великом охотнике, жертве титанов. Согласно мифу, перед смертью Дионис, маленький мальчик, превратился в быка – потому убивают на острове Тенедос украшенного котурнами теленка. Смысл: творимые богом кровавые деяния обращаются против него. Отсюда – ритуальное жертвоприношение.

Мы распознаем в страдании, преследовании, уничтожении спутниц Диониса и самого бога судьбу, порожденную их собственной жестокостью. Много воспоминаний сохранилось об их кровавых подвигах. Прокна с помощью своей сестры Филомелы зарезала собственного сына и предложила супругу на обед: за трапезу сию их преследовали с топорами и мечами. Этот день регулярно отмечался оргиастическим дионисийским празднеством.

Миф о гибели Пентея: родная мать разорвала сына в клочья. В «Ленах» Теокрита три сестры убили и разрезали слишком любопытного юнца Пентея (одна из сестер – его мать).

Дионисийские женщины занимаются не только детьми человеческими. С Дионисом ворвался дух первобытной вселенной и обусловил дикое счастье в чащобах. Мы упоминали, как женщины кормили грудью оленят и волчат. Это не только сладостный хмель необузданной нежности, это тропа в гибельный делириум.

Когда поэты или художники представляют бешенство менад, всегда душат и разрывают менады диких зверей, разбрасывают окровавленное мясо. У Эврипида («Вакханки») менады нападают на стадо рогатого скота, отрывая несчастным животным ноги и головы. Однако предпочтительные жертвы – дикие звери, сколько бы поначалу за ними ни ухаживали. У Эврипида Орест и Пилад, в чьи руки попала Гермiona, сравниваются с беспощадными вакханками. Даже волки и медведи – объекты их кровожадного менадического счастья. Так волшебство безбрежного материнства сменяется бешеным охотничьим фанатизмом. Но ведь они только подражают своему божественному властелину. Дионис и сам охотник. В «Эвменидах» Эсхила сказано: «Как зайца, затравил он несчастного Пентея». «Мудрым странником в травах и деревьях» называет его Агава («Вакханки»), и хор отвечает: «Да, бог – охотник». Там же сравниваются менады с охотничьими собаками. Но они охотницы прежде всего.

Но какова охота! Убить, растерзать, в эйфории пожирать сырое мясо! «В сакральной оленьей шкуре преследует он диких козлов, радостно предчувствуя кровавое мясо», – возглашает хор («Вакханки»), имея в виду Диониса. Подобно своему властелину, набрасываются менады на истекающую кровью дичь. Это даже не охота, но активность хищников. Отсюда одно из

имен Диониса – Оместис – пожиратель сырого мяса. Этому Дионису перед битвой при Саламине пожертвовали трех персидских юношей (Плутарх). Словом «оместис» особенно отличают львов, однако характеризуют и других хищных зверей – волков, орлов, даже клюющих падаль птиц. Любопытно: в «Илиаде» Гекаба так назвала Ахилла. Оппиан определяет кровавое пиршество менад аналогичным словом «омофагос», рассказывая, как Дионис превратил в пантер женщин, что напали на Пентея. Дильтей упоминает о двух изображениях на чаше: менада разрывает Пентея; пантера прыгает на Пентея.

Так проступает мрачная сторона демиурга-фасцинатора.

Его страсть к метаморфозам комментируется весьма часто. «Врывается быком, многоглавым драконом, львом огнедышащим...» (Эврипид. «Вакханки»). В борьбе с гигантами – лев. Дочерям Миниоса поначалу явился прекрасной девицей, потом быком, львом, пантерой. В поэме Нонния жалуется индеец Дериад на бесполезность сражения с Дионисом: бог ускользает в образах быка, медведя, кабана, льва, пантеры, змеи, исчезает в деревьях, огне, воде...

Но гораздо серьезней подобной множественности главная противоречивость его бытия. Плутарх повествует об Антонии, который, как «новый Дионис», роскошный и радостный, въехал в Александрию: многие восторженно встретили его, но для большинства он был и остался «бешеным хищным зверем». Впрочем, звери, сопровождающие Диониса, звери, в коих любит он превращаться, отличаются резкой видовой оппозицией. Одни – козел, бык, осел – символизируют эротическую силу и плодovitость, другие – пантера, лев, рысь – кровавую страсть уничтожения.

В легендах, особенно легендах позднего происхождения, в бесчисленных произведениях искусства пантера – излюбленный зверь Диониса. «Пантера напоминает вакханку изяществом и легкостью движений и потому приятна для глаз бога». К тому же пантера, согласно поверью, обожает вино. Неукротимой яростью пантера напоминает Диониса. Лев – также избранный зверь Диониса, если вспомнить его борьбу с титанами. В седьмом Гомеровом гимне, где поведано о пленении Диониса, внезапный прыжок льва на палубу вызвал панический ужас у морских разбойников. Дочерям Миниоса Дионис сам предстал в образе льва.

Полагают, лев и пантера, ранее чуждые Дионису, пришли из Малой Азии после знакомства греков с культом великой матери. Однако львы встречались на Балканском полуострове и в более поздние времена, чего, правда, нельзя сказать о пантерах. Но разве так уж необходимо откуда-то заимствовать пантеру? Разве так уж необходимо постоянно сверять бога с культовой инновацией? Это возможно только в Новое время, когда к богу не относятся всерьез. При живой вере бог, само собой разумеется, волен выбирать или отбрасывать то или иное. Когда почитатели Диониса познакомились с прекрасной и опасной пантерой, интуиция тотчас им сказала: зверь Диониса. Когда им встретился другой, родственный пантере зверь, его равно приблизили к богу.

Римские авторы времен Августа (Вергилий, Овидий, Персий, Проперций) причислили рысь к дионисийским зверям. Рысь до сих пор попадает в Греции. Итак, дело именно в сакральной близости. Пантера, леопард, рысь – по римской литературе еще и тигр – соответствуют сущности и функциональности менад. Пантера почти всегда сопровождает Диониса. Из всего семейства фелинов, так или иначе преданного Дионису, пантера самая гибкая и фасцинативная и к тому же самая дикая и кровожадная. Молниеносная стремительность, совершенная элегантность движений, направленных на убийство, симбиоз красоты и смертельной угрозы – все это напоминает одержимых спутниц Диониса. Отрешенная очарованность глаз, бешеная радость губительного прыжка, растерзание и пожирание трепетной плоти. Пантеры, леопарды и рыси кровожадней других хищников, ибо уничтожают гораздо более, нежели необходимо для пропитания. И самая кровожадная из всех кормящая пантера – как тут не вспомнить о менадах.

Другие боги, понятно, тоже неоднозначны, но противоречие Диониса куда радикальней. Дионис – властелин очарованного мира, вечно восхваляемый даритель вина, избавитель от забот и печалей, расточитель наслаждений и восторгов, экстатический танцор и любовник. Но этот лучезарно-восторженный бог страшней всех остальных богов. Никто не внушает ужаса столь беспредельного – разве только монстры вечной тьмы, если подыскивать какое-то сравнение. В его культах вполне допустимо человеческое жертвоприношение, более того, терзание и пожирание плоти человеческой.

В какую сферу направлено размышление о Дионисе? В сферу смерти, несомненно. Кошмарный пейзаж периодических деструкций – результат активной функциональности этого божества. Запредельное, чудовищное вечной ночи – другая сторона природы Диониса, другой колорит его таинственной «маски»⁹.

Только у монстров потусторонних бездн мы найдем аналогичные дефиниции: «пожирающий» или «пожирающий живую плоть». Цербер, Эхидна. По Гесиоду, произвела Эхидна от Тифона лернейскую гидру, химеру, а также черного, беспощадного пса Ортра. От собственного сына Ортра произвела Эхидна немейского льва и фиванского сфинкса. Имя Ортр, безусловно, связано со знаменитым эпитетом Артемиды – Ортия – и равным образом относится к Дионису. И, согласно легенде, упомянутой в «Антигоне» Эврипида, Дионис наслал сфинкса на Фивы. У нас нет оснований это отрицать. По Эврипиду, сфинкс – порождение Гадеса. Человекопожирающая леогина (женщина-львица) ассоциируется с Дионисом и его менадами. Предполагается даже, что это фиванская менада, превращенная Дионисом в монстра.

Жуткие порождения черных глубин – эринии, к примеру, – вообще близки Дионису. Одно время Дионис почитался в Афинах как Меланейгис (черный пожиратель), но меланейгиды – обычное прозвище эриний. У Эсхила эринии и менады почти синонимы, хотя эринии очень разнообразны: близ Мегалополиса были в чести эринии-мании. Бесконечно плодovitы inferнальные глубины: в драме Эврипида «Вакханки» представлены лиссии (бешено-яростные) – женоподобные существа, которые травили собаками менад, дабы последние растерзали Пентея. Эврипид называет их «вакханками Аида».

В своем весьма ученом сочинении Вильгельм Дильтей проводит аналогию меж дионисийскими женщинами и призраками потустороннего мира. По его мнению, «сакральное безумие менад» похоже на «мимическое представление процессии загробных обитателей». Взгляд односторонний, однако нельзя не признать: менады в пароксизме кровавого безумия впадают в ледяное безмолвие. Царство мертвых беззвучно – недаром римляне называли богов черных глубин *tacitas*, молчаливыми.

Традиция хорошо знает Диониса как жителя или посетителя царства мертвых. В знаменитом гимне Горация Цербер спокойно провожает бога, трубящего в золотой рог, и даже облизывает его ноги – Дионис приходит ради матери Семелы. Орфические гимны упоминают о его частых посещениях дворца Персефоны. Характерна одна из теонимий Диониса – Плутодорис (расточающий богатство). По мнению Эрвина Роде, царство мертвых входит в сферу Диониса. И существует очень важное свидетельство – пятнадцатый фрагмент Гераклита: «Дионис и Аид – одно и то же». Свойственная Гераклиту парадоксальность проявляет ситуацию этого бога.

⁹ Изначально «карнавал» – праздник, устроенный по возвращении Диониса из Индии.

Безумный бог

Оппиан пишет: мальчик Дионис любит раздирать козленка, потом снова оживлять. Рисунок на вазе: Дионис «менадически» разрывает молодого оленя и танцует – в руках окровавленные куски мяса. На многих изображениях Дионис сумасшедший, бешеный, дикий – слово «менадический» относится к нему в первую очередь. Безумием наградила его Гера, согласно Эврипиду и Платону. Однако Аполлодор и Нонний думают, что молоком Геры он лечится от безумия.

Итак: Дионис бог делира и помрачения, безумный и заражающий безумием. Нелепо вопрошать о причинах, лучше поразмыслить о значении божественного безумия.

«В конечных и преходящих вещах таится изначально им присущий зародыш гибели; время их рождения – время их смерти» (Гегель. «Логика»).

«Дионис: чувственность и жестокость. Преходящее становление можно истолковать как наслаждение силой эротической и разрушительной, как непрерывную жажду творчества» (Ницше. «Воля к власти»).

Безумный бог! Безумие как нормальная теистическая функциональность. Возможно ли сие вообще уразуметь?

Определенный мир – пролонгация определенного бога. Безумный бог раскрывает суть безумного мира. Что это за мир? Можно ли его найти и признать? Здесь никто не посягает, исключая бога самого.

Мы предчувствуем его дух сплошных противоречий и агрессивных оппозиций, мы предчувствуем его дух в беспредельном кипении жизни и в беспощадном уничтожении. Но в его делириуме горит дивное творчество и восторженная очарованность. Суть этого безумия – в двойственности. Еще шаг и... помрачение, блуждание в лабиринтах интенсивного кошмара. Вселенская тайна, мистерия порождающей жизни. Любовь, что стремится к зачатию, отнена безумием, равно как творческий порыв. Платон знает о безумии философа, «вакхической мании». Шеллинг: «Со времен Аристотеля ни один философ не сказал ничего значительного без легкой интонации безумия, вернее, без постоянного внимания к безумию» («Вечность»).

Кто хочет зачать живое, должен уйти в черные глубины, где пребывают неукротимые силы жизни. И когда он вернется, колоритом безумия будут окрашены его глаза, ибо там смерть и жизнь неразделимы. Первичная тайна – безумие, лоно раздвоенности, единство раздвоения. Чтобы принять это к сведению, не надобно читать философов, это жизненный опыт всех народов во все времена.

И данный опыт гласит: пробуждение жизни стимулирует пробуждение смерти. Напряженность жизни приближает смерть, волшебство нового становления – результат экстатических объятий жизни и смерти, вспышка новой жизни на мгновение устраняет роковую границу.

Старики и больные тревожно или спокойно принимают смерть со стороны, они размышляют о смерти по мере иссякновения жизни. Но в юности растет предчувствие смерти в сложном расцвете собственной жизни, это предчувствие волнует и пьянит. И если стерильная жизнь монотонно продвигается к своему концу, то жизнь как дикое переплетение любви и смерти вообще не знает категории времени.

Поэтому в центральных событиях – в рождении и пубертации – люди издревле распознавали присутствие смерти и демонию бездны. Наука, не имея ни желания, ни мужества исследовать глубины бытия, уклоняется от беспощадной серьезности проблемы и предпочитает объяснять соответствующую обрядовость древних страхом перед призраками и т. д. Но мы далеко не уйдем, если с высоты нашего превосходства будем представлять пращурам аккуратный список их заблуждений и суеверий. Они чувствовали жизнь и смерть куда интенсивней нас. Процесс рождения сотрясает основы жизни независимо от сопутствующих страданий, процесс рожде-

ния особенно манифестирует связь жизни и смерти, актуальность потустороннего, демонического здесь необходима и неизбежна. Разве это пустое заблуждение? Не повторяются ли в наших лицах черты умерших? Не живет ли каждый от предыдущей смерти? В новорожденном не проступает ли предок из незримого мрака смерти?

Потому так близки божества рождения и плодородия демонам бездонной тьмы и зачастую совпадают с ними.

Смерть стимулирует бурную ферментацию жизненных соков – так вздымается дионисийское, музыкальное, трагическое, мятежное. Это угрожает цивилизованному, привычному существованию, где смерть постоянно вытесняется ежедневными заботами. Рихард Вагнер сказал: «Музыка устраняет цивилизацию, как дневной свет – пламя свечи». Дионисийское, музыкальное бросает человека на порог безумия, где необузданность, с трудом покоренная цивилизацией, вырывается в безграничность деструктивных метаморфоз.

Дионис не только опален дыханием бездны, он сам – живущий в бездне монстр. Его маска выражает единую двойственность близкого и дальнего, жизни и смерти. От него расходятся круги диких, сумасшедших возбуждений, эротических, опьяняющих фасцинаций, однако рваную волну восторга пересекает режущая боль, однако неистовое упоение жизнью распадается в холоде вечной ночи. Вполне справедливо называют безумным этот дионисийский мир. Шеллинг говорит об «агрессивном безумии в центре каждой вещи, о безумии, которое лишь проясняет свет высшего понимания» («Вечность»).

Эрнст Теодор Амадей Гофман
Песочный человек
Перевод с немецкого А. Морозова

Натанаэль – Лотару

Ты, верно, все теперь в ужасном беспокойстве, что я так долго-долго не писал. Матушка, конечно, сердится, а Клара, пожалуй, думает, что я провождаю жизнь свою в шумных удовольствиях и совсем позабыл прелестного моего ангела, чей облик столь глубоко запечатлен в моем уме и сердце. Но это несправедливо: всякий день и во всякий час я вспоминаю о вас всех, и в сладостных снах является мне приветливый образ милой моей Клерхен, и светлые глаза ее улыбаются мне так же пленительно, как это бывало, когда я приходил к вам. Ах, в силах ли был я писать вам в том душевном смятении, какое доселе расстраивало все мои мысли! Что-то ужасное вторглось в мою жизнь! Мрачное предчувствие страшной, грозящей мне участи стелется надо мною подобно черным теньям облаков, которые не пронизает ни один приветливый луч солнца. Но прежде надобно сказать тебе, что со мною случилось. Я знаю, что должен это сделать, но едва подумаю о том, во мне подымается безумный смех. Ах, любезный Лотар, как сумею я дать почувствовать тебе хоть отчасти, что случившееся со мной несколько дней тому назад и впрямь могло губительно возмутить мою жизнь! Когда бы ты был здесь, то увидел бы все сам: однако ж теперь ты, верно, почтешь меня за сумасбродного духовидца. Одним словом, то ужасное, что случилось со мною и произвело на меня смертоносное впечатление, от которого я тщетно силюсь избавиться, состояло просто-напросто в том, что несколько дней тому назад, именно 30 октября, в полдень, ко мне в комнату вошел продавец барометров и предложил мне свои товары. Я ничего не купил, да еще пригрозил сбросить его с лестницы, в ответ на что он незамедлительно удалился сам.

Ты догадываешься, что только совсем необыкновенные обстоятельства, оставившие глубокий след в моей жизни, могли придать важность сему приключению, так что особа злополучного старьевщика должна была оказать на меня действие столь губительное. И это так. Я собираю все свои силы, чтобы спокойно и терпеливо рассказать тебе кое-что из времен ранней моей юности, дабы подвижному твоему уму отчетливо и ясно представилось все в живых образах. Но едва хочу приступить к этому, как уже слышу твой смех и слова Клары: «Да ведь это сущее ребячество!» Смейтесь, прошу вас, смейтесь надо мною от всего сердца! Очень прошу вас! Но, боже милостивый, – волосы мои становятся дыбом, и мне кажется, что, умоляя вас смеяться надо мной, я нахожусь в таком же безумном отчаянии, в каком Франц Моор заклинал Даниеля. Но скорее к делу!

Кроме как во время обеда, я, братья мои и сестры редко видели днем нашего отца. Вероятно, он был очень занят своею должностью. После ужина, который, по старинному обыкновению, подавали уже в семь часов, мы все вместе с матушкой шли в отцовский кабинет и рассаживались за круглым столом. Отец курил табак и время от времени прихлебывал пиво из большого стакана. Часто рассказывал он нам различные диковинные истории, причем сам приходил в такой раж, что его трубка всегда погасала, и я должен был подносить к ней горящую бумагу и снова ее разжигать, что меня весьма забавляло. Нередко также давал он нам книжки с картинками, а сам, безмолвный и неподвижный, сидел в креслах, пуская вокруг себя такие густые облака дыма, что мы все словно плавали в тумане. В такие вечера мать бывала очень печальна и, едва пробьет девять часов, говорила: «Ну, дети! Теперь в постель. В постель! Песочный человек идет, я уже примечаю!» И правда, всякий раз я слышал, как тяжелые, мер-

ные шаги, громыхали по лестнице; верно, то был Песочный человек. однажды это глухое топание и грохот особенно напугали меня; я просил мать, когда она нас уводила: «Ах, мамочка, кто ж этот злой Песочник, что всегда прогоняет нас от папы? Каков он с виду?» «Дитя мое, нет никакого Песочника, – ответила мать, – когда я говорю, что идет Песочный человек, это лишь значит, что у вас слипаются веки и вы не можете раскрыть глаз, словно вам их запылили песком». Ответ матери не успокоил меня, и в детском моем уме явственно возникла мысль, что матушка отрицает существование Песочного человека для того только, чтоб мы его не боялись, – я-то ведь всегда слышал, как он подымается по лестнице! Подстрекаемый любопытством и желая обстоятельно разузнать все о Песочном человеке и его отношении к детям, я спросил наконец старую нянюшку, пестовавшую мою младшую сестру, что это за человек такой, Песочник? «Эх, Танельхен, – сказала она, – да неужто ты еще не знаешь? Это такой злой человек, который приходит за детьми, когда они упрямятся и не хотят идти спать, он швыряет им в глаза пригоршню песку, так что они заливаются кровью и лезут на лоб, а потом кладет ребят в мешок и относит на луну, на прокорм своим детушкам, что сидят там в гнезде, а клювы-то у них кривые, как у сов, и они выклевывают глаза непослушным человеческим детям». И вот воображение мое представило мне страшный образ жестокого Песочника; вечером, как только загремят на лестнице шаги, я дрожал от тоски и ужаса. Мать ничего не могла добиться от меня, кроме прерываемых всхлипываниями криков: «Песочник! Песочник!» – опрометью убежал я в спальню, и всю ночь мучил меня ужасающий призрак Песочного человека. Я уже пришел в такие лета, что мог уразуметь, что с Песочным человеком и его гнездом на луне все обстоит не совсем так, как это насаждала мне нянюшка; однако ж Песочный человек все еще оставался для меня страшным призраком – ужас и трепет наполняли меня, когда я не только слышал, как он подымается по лестнице, но и с шумом раскрывает дверь в кабинет отца и входит туда. Иногда он подолгу пропадал. Но после того приходил несколько дней кряду. Так прошло немало лет, и все ж я никак не мог свыкнуться с этим зловещим наваждением, и в моей душе не меркнул образ жестокого Песочника. Короткое его обхождение с моим отцом все более и более занимало мое воображение; спросить об этом самого отца не позволяла какая-то непреодолимая робость, но желание самому – самому исследовать эту тайну, увидеть баснословного Песочника, возрастало во мне год от году. Песочный человек увлек меня на стезю чудесного, необычайного, куда так легко совратить детскую душу. Ничто так не любил я, как читать или слушать страшные истории о кобольдах, ведьмах, гномах и пр.; но над всеми властвовал Песочный человек, которого я беспрестанно рисовал повсюду: на столах, шкафах, стенах – углем и мелом в самых странных и отвратительных обличьях. Когда мне минуло десять лет, мать, выпроводив меня из детской, отвела мне комнатку в коридоре неподалеку от отцовского кабинета. Нас все еще торопливо отсылали спать, едва пробьет девять часов и в доме послышится приближение незнакомца. Из своей каморки я слышал, как он входил к отцу, и вскоре мне начинало казаться, что по дому разносится какой-то тонкий, странно пахнущий чад. Любопытство все сильнее распалило меня и наконец придало мне решимость как-нибудь да повидать Песочного человека. Часто, как только уйдет мать, я прокрадывался из своей комнатки в коридор. Но не мог ничего приметить, ибо, когда я достигал места, откуда мог увидеть Песочного человека, он уже затворял за собою дверь. Наконец, гонимый непоборимым желанием, я решил спрятаться в отцовском кабинете и дожидаться там Песочного человека.

Однажды вечером, по молчаливости отца и печальной задумчивости матери, я заключил, что должен прийти Песочный человек; а посему, сказавшись весьма усталым и не дожидаясь девяти часов, я оставил комнату и притаился в темном закоулке подле самой двери. Входная дверь заскрипела; в сенях и на лестнице послышались медленные, тяжелые шаги. Мать торопливо прошла мимо, уводя детей. Тихо-тихо растворил я дверь отцовской комнаты. Он сидел, по своему обыкновению, безмолвный и неподвижный, спиной ко входу; он меня не заметил, я проворно скользнул в комнату и укрылся за занавеску, которой был задернут открытый шкаф,

где висело отцовское платье. Ближе – все ближе слышались шаги, – за дверьми кто-то странно кашлял, кряхтел и бормотал. Сердце мое билось от страха и ожидания. Вот шаги загромыхали подле самой двери, – подле самой двери. Кто-то сильно рванул ручку, дверь со скрипом растворилась! Крепясь изо всех сил, я осторожно высовываю голову вперед. Песочный человек стоит посреди комнаты прямо перед моим отцом, яркий свет свечей озаряет его лицо! Песочник, страшный Песочник – да это был старый адвокат Коппелиус, который частенько у нас обедал!

Однако ж никакое самое страшное видение не могло повергнуть меня в больший ужас, нежели этот самый Коппелиус. Представь себе высокого, плечистого человека с большой нескладной головой, землисто-желтым лицом; под его густыми седыми бровями злобно сверкают зеленоватые кошачьи глазки; огромный здоровенный нос навис над верхней губой. Кривой рот его нередко подергивается злобной улыбкой; тогда на щеках выступают два багровых пятна и странное шипение вырывается из-за стиснутых зубов. Коппелиус являлся всегда в пепельно-сером фраке старинного покроя; такие же были у него камзол и панталоны, а чулки черные и башмаки со стразовыми пряжками. Маленький парик едва прикрывал его макушку, букли торчали торчком над его большими багровыми ушами, а широкий глухой кошелек¹⁰ топорщился на затылке, открывая серебряную пряжку, стягивающую шейный платок. Весь его облик вселял ужас и отвращение; но особенно ненавистны были нам, детям, его узловатые косматые ручки, так что нам претило все, до чего бы он ни дотронулся. Он это заметил и стал тешить себя тем, что под разными предложениями нарочно трогал печения или фрукты, которые добрая наша матушка украдкой клала нам на тарелки, так что мы, со слезами на глазах, смотрели на них и не могли от тошноты и гадливости отведать те лакомства, которые нас всегда радовали. Точно так же поступал он по праздникам, когда отец наливал нам по рюмке сладкого вина. Он спешил перебрать все своими ручищами, а то и подносил рюмку к синим губам и заливался адским смехом, заметив, что мы не смели обнаружить нашу досаду иначе как только тихими всхлипываниями. Он всегда называл нас зверенышами, в его присутствии нам не дозволялось и пикнуть, и мы от всей души проклинали мерзкого, враждебного человека, который с умыслом и намерением отравлял наши невиннейшие радости. Матушка, казалось, так же, как и мы, ненавидела отвратительного Коппелиуса, ибо стоило ему появиться, как ее веселая непринужденность сменялась мрачной и озабоченной серьезностью. Отец обходился с ним как с высшим существом, которое надобно всячески улаживать и терпеливо сносить все его невежества. Довольно было малейшего намека – и для него готовили любимые кушанья и подавали редкостные вина.

Когда я увидел Коппелиуса, то меня, повергнув в ужас и трепет, осенила внезапная мысль, что ведь никто другой и не мог быть Песочным человеком, но этот Песочный человек уже не представлялся мне буклой нянюшкиных сказок, который таскает детские глаза на прокорм своему отродию в свиное гнездо на луне, – нет! – это был отвратительный призрачный колдун, который всюду, где бы он ни появлялся, приносит горечь, напасть – временную и вечную погибель.

Я стоял словно замороженный. Высунув голову из занавесок, я так и застыл подслушивая, хотя и рисковал быть открытым и, как я хорошо понимал, жестоко наказанным. Отец встретил Коппелиуса весьма торжественно. «Живей! За дело!» – воскликнул тот глухим гнусавым голосом и скинул с себя платье. Отец безмолвно и мрачно снял шлафрок, и они облачились в длинные черные балахоны. Откуда они их взяли, я проглядел. Отец отворил дверцы стенового шкафа; и я увидел: то, что я издавна считал шкафом, была скорее черная выемка, где стоял небольшой очаг. Коппелиус приблизился, и голубое пламя, потрескивая, взвилось над очагом. Множество диковинных сосудов стояло вокруг. О боже! когда старый мой отец склонился над огнем, – какая ужасная случилась с ним перемена! Казалось, жестокая судорожная

¹⁰ Кошелек для косы. (Примеч. ред.)

боль преобразила его кроткое честное лицо в уродливую отвратительную сатанинскую личину. Он походил на Коппелиуса! Сей последний, взяв раскаленные щипцы, вытаскивал ими до бела раскаленные комья какого-то вещества, которое он потом усердно бил молотком. Мне чудилось, что везде вокруг мелькает множество человеческих лиц, только без глаз, – вместо них ужасные, глубокие черные впадины. «Глаза сюда! Глаза!» – воскликнул Коппелиус глухим и грозным голосом. Объятый неизъяснимым ужасом, я вскрикнул и рухнул из моей засады на пол. И вот Коппелиус схватил меня. «А, звереныш! Звереныш! – заблеял он, скрежеща зубами, поднял меня и швырнул на очаг, так что пламя опалило мои волосы. – Теперь у нас есть глаза, глаза, – чудесные детские глаза», – так бормотал Коппелиус и, набрав в печи полные горсти раскаленных угольков, собирался бросить их мне в лицо. И вот отец мой, простирая к нему руки, взмолился: «Мастер! Мастер! – оставь глаза моему Натанаэлю, – оставь!» Коппелиус громко захохотал. «Пусть у малого останутся глаза и он хорошенько выплечет свой урок на этом свете: ну а все же мы наведем ревизию, как там у него прилажены руки и ноги». И вот он схватил меня с такой силой, что у меня захрустели все суставы, и принялся вертеть мои руки и ноги, то выкручивая их, то вправляя. «Ага, – эта вот не больно ладно ходит! – а эта хорошо, как и было! Старик знал свое дело!» – так шипел и бормотал Коппелиус. Но у меня в глазах все потемнело и замутилось, внезапная судорога пронзила все существо мое – я ничего более не чувствовал. Теплое нежное дыхание коснулось моего лица, я пробудился как бы от смертного сна, надо мною склонилась мать. «Тут ли еще Песочник?» – пролепетал я. «Нет, милое дитя мое, нет, он давным-давно ушел и не сделает тебе ничего дурного!» – так говорила матушка и целовала и прижимала к сердцу возвращенного ей любимого сына.

Но для чего утруждать тебя, любезный Лотар? Для чего столь пространно пересказывать тебе все подробности, когда еще так много надобно сообщить тебе? Словом, мое подслушивание было открыто, и Коппелиус жестоко обошелся со мной. Испуг и ужас произвели во мне сильную горячку, которою и страдал я несколько недель. «Тут ли еще Песочник?» – то были первые мои разумные слова и знак моего выздоровления, моего спасения. Теперь остается рассказать тебе о самом страшном часе моей юности; тогда ты убедишься: не ослабление глаз моих тому причина, что все представляется мне бесцветным, а темное предопределение и впрямь нависло надо мною, подобно мрачному облаку, которое я, быть может, рассею только смертью.

Коппелиус не показывался более; разнесся слух, что он оставил город.

Минуло около года, мы, по старому, неизменному своему обыкновению, сидели вечером за круглым столом. Отец был весел и рассказывал множество занимательных историй, случившихся с ним в путешествиях, во времена его молодости. И вот, когда пробило девять часов, мы внезапно услышали, как закрипели петли входной двери и медленные чугунные шаги загремели в сенях и по лестнице. «Это Коппелиус!» – сказала, побледнев, матушка. «Да! – это Коппелиус», – повторил отец усталым, прерывающимся голосом. Слезы хлынули из глаз матушки. «Отец! Отец! – вскричала она. – Неужто все еще надо?» «В последний раз! – отвечал он, – в последний раз приходит он ко мне, обещаю тебе. Ступай, ступай с детьми! Идите, идите спать! Покойной ночи!»

Меня словно придавил тяжелый холодный камень – дыхание мое сперлось! Мать, видя, что я застыл в неподвижности, взяла меня за руку: «Пойдем, Натанаэль, пойдем!» Я позволил увести себя, я вошел в свою комнату. «Будь спокоен, будь спокоен, ложись в постель, – спи! спи!» – крикнула мне вслед матушка; однако ж, томимый несказанным внутренним страхом и беспокойством, я не мог сомкнуть вежд. Ненавистный, мерзкий Коппелиус, сверкая глазами, стоял передо мной, глумливо смеясь, и я напрасно силился отогнать от себя его образ. Верно, было уже около полуночи, когда раздался страшный удар, словно выстрелили из пушки. Весь дом затрясся, что-то загрохотало и зашипело подле моей двери, а входная дверь с треском захлопнулась. «Это Коппелиус!» – воскликнул я вне себя и вскочил с постели. И вдруг послышался пронзительный крик безутешного, непереносимого горя; я бросился в комнату отца;

дверь была отворена настежь, удушливый чад валил мне навстречу, служанка вопила: «Ах, барин, барин!» Перед дымящимся очагом на полу лежал мой отец, мертвый, с черным, обгоревшим, обезображенным лицом; вокруг него визжали и выли сестры – мать была в беспамятстве. «Коппелиус, исчадие ада, ты убил отца моего!» – так воскликнул я и лишился чувств. Спустя два дня, когда тело моего отца положили в гроб, черты его снова просветлели и стали тихими и кроткими, как в продолжение всей его жизни. Утешение сошло в мою душу, когда я подумал, что его союз с адским Коппелиусом не навлечет на него осуждения вечного.

Взрыв разбудил соседей, о происшедшем разнеслась молва, и власти, уведомившись о том, хотели потребовать Коппелиуса к ответу; но он бесследно исчез из города.

Теперь, любезный мой друг, когда я открою тебе, что помянутый продавец барометров был не кто иной, как проклятый Коппелиус, то ты не станешь пенять на меня, что я понапрасну возомнил, будто это враждебное вторжение принесет мне великое несчастье. Он был одет иначе, но фигура и черты лица Коппелиуса слишком глубоко запечатлелись в моей душе, так что я никак не мог обознаться. Притом Коппелиус даже не переменял своего имени. Он выдает себя здесь за пьемонтского механика и называет себя Джузеппе Коппола.

Я решил хорошенько с ним переведаться и отомстить за смерть отца, чего бы то ни стоило.

Не говори ничего матушке о появлении этого мерзкого колдуна. Поклонись от меня милой Кларе, я напишу ей в более спокойном расположении духа. Прощай и пр.

Клара – Натанаэлю

Хотя ты давно ко мне не писал, но я все же уверена, что ты хранишь меня в своем уме и сердце. Ибо ты, верно, живо вспомнил обо мне, когда отправлял письмо к брату Лотару, а надписал мое имя. Я с радостью его распечатала и заметила ошибку, лишь дочитав до слов «Ах, любезный Лотар!» Конечно, я должна была не читать далее, а отдать письмо брату. Но, хотя ты с ребяческой задирчивостью порой и выговаривал мне, что у меня такой спокойный и рассудительный нрав, что если бы дом вот-вот готов был обрушиться, то я, подобно некой женщине, прежде чем убежать, успела бы проворно поправить загнувшуюся занавеску, – все ж мне едва ли надобно верить, что твое письмо глубоко потрясло меня. Я едва дышала, в глазах у меня зарябило. Ах, возлюбленный Натанаэль, что же столь ужасное могло возмутить жизнь твою? Мысль о разлуке, о том, что я никогда не свижусь с тобой, поразила меня, как удар раскаленного кинжала. Я читала и перечитывала! Твое описание мерзкого Коппелиуса ужасно. Только теперь узнала я, какая страшная, жестокая кончина постигла твоего старого доброго отца. Брат Лотар, которому я возвратила твое письмо, старался меня успокоить, но мало в том преуспел. Зловещий продавец барометров Джузеппе Коппола неустанно следовал за мной по пятам, и, как мне ни стыдно признаться, он возмутил мой здоровый, всегда спокойный сон различными причудливыми видениями. Однако вскоре, уже поутру, все представилось мне иначе. Итак, не сердись на меня, возлюбленный мой, когда Лотар скажет тебе, что я, вопреки странному твоему предчувствию, будто Коппелиус причинит тебе зло, все же весела и беспечальна, как и прежде.

Скажу чистосердечно, мне думается, что все то страшное и ужасное, о чем ты говоришь, произошло только в твоей душе, а действительный внешний мир весьма мало к тому причастен. Видать, старый Коппелиус и впрямь был довольно мерзок, но то, что он ненавидел детей, вселяло в вас истинное к нему отвращение.

Страшный Песочник из нянюшкиной сказки весьма естественно соединился в твоей детской душе со старым Коппелиусом, который, даже когда ты перестал верить в Песочного человека, остался для тебя призрачным колдуном, особенно опасным для детей. Зловещие свидания его с твоим отцом в ночную пору были не что иное, как тайные занятия алхимией, чем матушка твоя не могла быть довольна, ибо на то, нет сомнения, уходило попусту много денег, да и, как всегда бывает с подобными адептами, сии труды, наполняя душу отца твоего обманчивыми стремлениями к высокой мудрости, отвлекали его от забот о своем семействе. Отец твой, верно, причинил себе смерть собственной неосторожностью, и Коппелиус в том неповинен. Поверишь ли, вчера я допытывалась у нашего сведущего соседа, аптекаря, могут ли во время химических опытов приключиться подобные взрывы, внезапно поражающие смертью. Он ответил: «Всеконечно!» – и описал, по своему обыкновению, весьма пространно и обстоятельно, как это могло сделаться, на сказав при том множество мудреных слов, из которых я ни одного не могла упомнить. Теперь ты станешь досадовать на свою Клару, ты скажешь: «В эту холодную душу не проникает ни один луч того таинственного, что так часто обвивает человека незримыми руками; она видит только пеструю поверхность мира и, как ребячливое дитя, радуется золотистым плодам, в сердцевине коих скрыт смертоносный яд».

Ах, возлюбленный натанаэль, или тебе не верится, что и веселая, беспечальная, беззаботная душа может почувствовать враждебное проникновение темной силы, стремящейся погубить нас в нашем собственном «я»? Но прости, если я, неученая девушка, попытаюсь как-нибудь растолковать, что, собственно, я разумею под этой внутренней борьбой. В конце концов, я, верно, не найду надлежащих слов, и ты подымеешь меня на смех не оттого, что у меня глупые мысли, а потому, что я так нескладно пытаюсь их выразить.

Ежели существует темная сила, которая враждебно и предательски забрасывает в нашу душу петлю, чтобы потом захватить нас и увлечь на опасную, губительную стезю, куда мы бы иначе никогда не вступили, – ежели существует такая сила, то она должна принять наш собственный образ, стать нашим я; ибо только в этом случае уверуем мы в нее и дадим ей место в нашей душе, необходимое ей для ее таинственной работы. Но ежели дух наш тверд и укреплен жизненной бодростью, то он способен отличить чуждое, враждебное ему воздействие, именно как такое, и спокойно следовать тем путем, куда влекут нас наши склонности и призвание, – тогда эта зловещая сила исчезнет в напрасном борении за свой образ, который должен стать отражением нашего я. «Верно и то, – прибавил Лотар, – что темная физическая сила, которой мы предаемся только по собственной воле, часто населяет нашу душу чуждыми образами, занесенными в нее внешним миром, так что мы сами только воспламеняем наш дух, который, как представляется нам в диковинном заблуждении, говорит из этого образа. Это фантом нашего собственного «я», чье внутреннее сродство с нами и глубокое воздействие на нашу душу ввергает нас в ад или возносит на небеса». Теперь ты видишь, бесценный мой Натанаэль, что мы, я и брат Лотар, порядком наговорились о темных силах и началах, и эта материя – после того, как я не без труда изложила здесь самое главное, – представляется мне довольно глубокомысленною. Я не совсем хорошо понимаю последние слова Лотара, я только чувствую, что он под этим понимает, и все же мне кажется, что все это весьма справедливо. Умоляю тебя, выкинь совсем из головы мерзкого адвоката Коппелиуса и продавца барометров Джузеппе Копполу. Проникнись мыслью, что эти чуждые образы не властны над тобою; только вера в их враждебное могущество может сделать их действительно враждебными тебе. Ежели бы каждая строчка твоего письма не свидетельствовала о жестоком смятении твоего ума, ежели бы твое состояние не сокрушало меня до глубины души, то я взаправду могла бы посмеяться над адвокатом-Песочником и продавцом барометров Коппелиусом. Будь весел, весел! Я решила быть твоим ангелом-хранителем и, как только мерзкий Коппола вознамерится смутить твой сон, явлюсь к тебе и громким смехом прогоню его прочь. Я нисколько не боюсь ни его самого, ни его гадких рук, и он не посмеет под видом адвоката поганить мне лакомства или, как Песочный человек, засыпать мне глаза песком.

Твоя навеки, сердечно любимый мой Натанаэль, и т. д. и т. д.

Натанаэль – Лотару

Мне очень досадно, что Клара намеренно, правда, по причине моей рассеянности, ошибкою распечатала и прочла мое письмо к тебе. Она написала мне весьма глубокомысленное, философское письмо, где пространно доказывает, что Коппелиус и Коппола существуют только в моем воображении, они лишь фантомы моего «я», которые мгновенно разлетятся в прах, ежели я их таковыми признаю. В самом деле, кто бы мог подумать, что ум, так часто светящийся подобно сладостной мечте в этих светлых, прелестных, смеющихся детских глазах, мог быть столь рассудителен, столь способен к магистерским дефинициям. Она ссылается на тебя. Вы вместе говорили обо мне. Ты, верно, читаешь ей полный курс логики, чтобы она могла так тонко все различать и разделять. Брось это! Впрочем, теперь уже нет сомнения, что продавец барометров Джузеппе Коппола вовсе не старый адвокат Коппелиус. Я слушаю лекции у недавно прибывшего сюда профессора физики, природного итальянца, которого так же, как и знаменитого натуралиста, зовут Спаланцани. Он с давних лет знает Копполу, да и, кроме того, уже по одному выговору можно приметить, что тот чистейший пьемонтец. Коппелиус был немец, но мне сдается, не настоящий. Я еще не совсем спокоен. Почитайте меня вы оба, ты и Клара, – если хотите, – мрачным мечтателем, я все же не могу освободиться от впечатления, которое произвело на меня проклятое лицо Коппелиуса. Я рад, что он уехал из города, как мне сказывал Спаланцани. Кстати, этот профессор – преудивительный чудак. Низенький, плотный человечек с выдающимися скулами, тонким носом, оттопыренными губами, маленькими острыми глазками. Но лучше, нежели из любого описания, ты узнаешь его, когда поглядишь в каком-нибудь берлинском карманном календаре на портрет Калиостро, гравированный Ходовецким. Таков именно Спаланцани! Намедни подымаюсь я к нему по лестнице и примечаю, что занавеска, которая обыкновенно плотно задернута над стеклянной дверью, слегка завернулась и оставила небольшую щелку. Сам не знаю, как это случилось, но я с любопытством заглянул туда. В комнате перед маленьким столиком, положив на него сложенные вместе руки, сидела высокая, очень стройная, соразмерная во всех пропорциях, прекрасно одетая девица. Она сидела напротив дверей, так что я мог хорошо рассмотреть ее ангельское личико. Меня, казалось, она не замечала, вообще в ее глазах было какое-то оцепенение, я мог бы даже сказать, им недоставало зрительной силы, словно она спала с открытыми очами. Мне сделалось не по себе, и я тихонько прокрался в аудиторию, помещавшуюся рядом. После я узнал, что девица, которую я видел, была дочь Спаланцани, по имени Олимпия; он держит ее взаперти с такой достойной удивления строгостью, что ни один человек не смеет к ней проникнуть. В конце концов, тут сокрыто какое-то важное обстоятельство, быть может, она слабоумна или имеет какой другой недостаток. Но для чего пишу я тебе обо всем этом? Я бы мог лучше и обстоятельнее рассказать тебе все это на словах. Знай же, что через две недели я буду с вами. Я непременно должен видеть прелестного, нежного моего ангела, мою Клару. Тогда рассеется то дурное расположение духа, которое (признаюсь) едва не овладело мною после ее злополучного рассудительного письма, поэтому я не пишу к ней и сегодня.

Кланяюсь несчетное число раз и т. д., и т. д.

* * *

Нельзя измыслить ничего более странного и удивительного, чем то, что приключилось с моим бедным другом, юным студентом Натанаэлем, и о чем я собираюсь тебе, снисходительный читатель, теперь рассказать. Не приходилось ли тебе, благосклонный читатель, пережить что-либо такое, что всецело завладевало бы твоим сердцем, чувствами и помыслами, вытесняя все остальное? Все в тебе бурлит и клокочет, воспламененная кровь кипит в жилах и горячим

румянцем заливаает ланиты. Твой взор странен, он словно ловит в пустоте образы, незримые для других, и речь твоя теряется в неясных вздохах. И вот друзья спрашивают тебя: «Что это с вами, почтеннейший? Какая у вас забота, дражайший?» И вот всеми пламенными красками, всеми тенями и светом хочешь ты передать возникшие в тебе видения и силишься обрести слова, чтобы хотя приступить к рассказу. Но тебе сдается, что с первого же слова ты должен представить все то чудесное, великолепное, страшное, веселое, ужасающее, что приключилось тебе, и поразить всех как бы электрическим ударом. Однако всякое слово, все, чем только располагает наша речь, кажется тебе бесцветным, холодным и мертвым. А ты все ищешь и ловишь, запинаешься и лепечешь, и трезвые вопросы твоих друзей, подобно ледяному дуновению ветра, остужают жар твоей души, пока он не угаснет совершенно. Но ежели ты, как смелый живописец, сперва очертишь дерзкими штрихами абрис внутреннего твоего видения, то потом уже с легкостью сможешь накладывать все более пламенные краски, и живой рой пестрых образов увлечет твоих друзей, и вместе с тобой они увидят себя посреди той картины, что возникла в твоей душе. Должен признаться, благосклонный читатель, меня, собственно, никто не спрашивал об истории молодого Натанаэля; но ты отлично знаешь, что я принадлежу к той удивительной породе авторов, кои, когда они носят в себе что-либо подобное только что описанному, тотчас воображают, что всякий встречный, да и весь свет, только и спрашивают: «Что там такое? Расскажитека, любезнейший!» И вот меня неудержимо влечет поговорить с тобой о злополучной жизни Натанаэля. Странность, необычайность ее поразили мою душу, и потому-то – а также чтобы я мог – о мой читатель! – тотчас склонить тебя к пониманию всего чудесного, которого тут не мало, – я изо всех сил старался начать историю Натанаэля как можно умней – своеобразней, пленительней. «Однажды» – прекраснейшее начало для всякого рассказа, – слишком обыденно! «В маленьком захолустном городке С... жил» – несколько лучше, по крайней мере дает начало градации. Или сразу посредством «*medias in res*»¹¹

¹¹ В центре событий (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.